

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

**ДВА СТИХА ИЗ «ЭНЕИДЫ»
В ПЕРЕВОДЕ ЛОМОНОСОВА
(НАДПИСЬ НА ГРАВЮРЕ 1742 г.)**

1. К истории alexandрийского стиха

Выбор alexandрийского стиха в качестве героического русского стиха можно рассматривать как заключительный этап произведенной Ломоносовым реформы стихосложения (поскольку реформа не может не предполагать установление метрического репертуара). В отличие от четырехстопного ямба в оде русский alexandрийский стих завоевал господство в жанрах надписи, трагедии, эпистолы и эпопеи не сразу. Характерно, что в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739) о нем не упоминается и примеры его не приводятся: «Письмо» носило чисто теоретический характер, а потому в нем важнее было предложить образцы возможных размеров, а не останавливаться на их метрической разработке. Первый известный опыт Ломоносова в alexandрийском стихе, перевод похвального стихотворения В. Юнкера на коронацию Елизаветы Петровны «Венчанная надежда» (1742), хотя и представляет богатый материал для стиховедческого анализа (стихотворение насчитывает 280 стихов),¹ на установление метрического репертуара влияния не оказал. В этом случае применение alexandрийского стиха объясняется размером переводимого оригинала и тонким различием, актуальным для этой поры немецкой (и русской) поэзии, между одой и похвальным стихотворением (Lobgedichte). Но в 1747–1748 г. одновременно стали появляться первые образцы жанров, требующих ге-

¹ И. Н. Голенищев-Кутузов в статье «Александрйский стих в России и на Западе» (*Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы*. М., 1973. С. 372–395) уделяет основное внимание как раз этому стихотворению.

роического стиха, и им был уже александрийский стих² Однако до этого в «Кратком руководстве к риторике» (1743–1744) Ломоносов предложил несколько образцов александрийского стиха Два из них переведены из «Метаморфоз» Овидия³ и «Троянок» Сенеки,⁴ т е с латинского гекзаметра, третий (его источник не установлен) также, вероятнее всего, перевод с гекзаметра,⁵ и только одна строка — с александрийского стиха Фр Помея⁶ Таким образом, уже в «Риторике», т е в 1743 г, Ломоносов определил для александрийского стиха роль эквивалента латинского гекзаметра

К более раннему времени относится надпись Ломоносова на карте «Ингерманландии и Карелии» А А Морозов датирует картуш и, соответственно, надпись 1742–1743 гг⁷ Затем в примечании к первой надписи «К статуе Петра Великого» в издании «Библиотека поэта» он ограничивает датировку надписи на карте 1743 годом⁸ Датировка А А Морозова вызвана желанием связать возможность появления картуша с возобновлением работ над памятником (памятниками) Б К Растрелли, которые начались летом 1743 г⁹ Такая датировка картуша расходится с датировкой В Ф Гнучевой, обоснованно считавшей, что карта сделана «до 1742 года»¹⁰ В пользу датировки В Ф Гнучевой говорит еще ряд не приведенных ею фактов В росписи книг 1742 г упоминаются

² Переводные надписи на иллюминацию Ломоносова с немецкого оригинала александрийского стиха Я Я Штелина и Хр Крузиуса, эпистолы («Две эпистолы В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве») и трагедия «Хорев» Сумарокова, ориентированная на французский классицизм

³ Ломоносов М В Полн собр соч М, Л, 1952 Т 7 С 46 и примеч на с 796

⁴ Там же С 53 и примеч на с 798

⁵ Там же С 39 и примеч на с 795

⁶ Там же С 54 и примеч на с 798

⁷ Морозов А А К истории надписей М В Ломоносова // Русская литература 1965 № 4 С 106 Карта была изготовлена в Академии наук Для А А Морозова авторство Ломоносова столь несомненно, что он не уделяет его обоснованию особенного внимания Не имея возможности останавливаться здесь на этом вопросе, заметим, что в пользу авторства Ломоносова говорят многие факты, в частности ее александрийский стих

⁸ Ломоносов М В Избр произведения Л, 1986 С 511 (Библиотека поэта Большая серия)

⁹ Морозов А А К истории надписей М В Ломоносова С 107

¹⁰ Гнучева В Ф Географический департамент Академии наук XVIII века М, Л, 1946 С 240

семь карт «Ингерманландии и Карелии» как «недавно сделанные».¹¹ Указание А. А. Морозова на существование оттисков карт без картушей сомнительно: в петербургских хранилищах такие оттиски отсутствуют, сам А. А. Морозов не делает отсылки ни к одному из них. Кроме того, вероятно, что И. Э. Гриммель, приехавший в Петербург в июне 1741 г. (в те же дни, что и Ломоносов), получил заказ на картуш, как первое задание от Академии.¹² И наконец, заказ надписи Ломоносову в период с конца 1741-го — до осени 1742 г. много вероятнее, чем в конце 1742-го и в 1743 г., когда из-за смут в Академии и его ссоры с немецкими коллегами он сделался персоной *non grata*, а с марта 1743 г. пребывал под арестом. Таким образом, вероятнее всего, картуш и надпись изготовлялись в самом конце 1741-го (после восшествия на трон Елизаветы Петровны) — в начале 1742 г. В это время Ломоносов начинал пользоваться всеобщим признанием, и ему заказывались многочисленные переводы поздравлений и церемоний, исходящих из Академии, связанных с первыми месяцами царствования Елизаветы.

Стихи надписи на картуше известны: позднее они были повторены в первой надписи Ломоносова «К статуе Петра Великого»: *«Когда он строил град, сносил труды в войнах, В землях далеких был и странствовал в морях»* (ст. 7, 8). Сама надпись служила русским эквивалентом, выгравированным на русском варианте картуша карты, надписи латинской, украшающей латинский вариант: *«Multum ille terris et alte Multa quoque et bello passus dum conderet urbem»*. Обе надписи, и латинская и русская, были подписаны «Энеиды I» (соответственно — «Aeneid. I»; это стихи 3 и 5) и относились как к картушу с изображенным на нем памятником Петру I, так и к самой карте присоединенных по Ништадтскому миру земель.

Ломоносов, которому был поручен перевод латинской надписи,¹³ здесь, кажется, впервые предложил в качестве эквивалента гекзаметру александрийский стих. Решение это было безусловным.

¹¹ Роспись книгам, которые поныне при Имп. Академии наук в Санктпетербурге напечатаны и в книжной палате продаются. 1742. СПб., при Имп. Акад. наук, [1742].

¹² В пользу этого говорит его авторская подпись под картушем, в дальнейшем он подписи не ставил.

¹³ А. А. Морозов высказывает сомнение, Ломоносов ли выбрал латинскую надпись или ему был поручен лишь перевод (Морозов А. А. К истории надписей М. В. Ломоносова. С. 106). В пользу последнего склоняют соображения, высказанные во второй части данной статьи.

Еще в «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов дал первые образцы русского гекзаметра «Только мугилса песок, лишь белая пена кипела», или «Бревна катайте наверх, каменя и горы валите»¹⁴ и «Вьетса змея по траве, обновившись в расселине»¹⁵ Внимание Ломоносова к гекзаметрам объясняется не только его несогласием по этому вопросу с Третьяковским,¹⁶ но отражает также одно из полемических мест вышедшего двумя годами ранее «Versuch einer Critischen Dichtkunst für die Deutschen» И Хр Готшета¹⁷ В главе 12 «Von dem Wohlklange der poetischen Schreibart, dem Verschiedenen Syblenmaße und den Reimen», говоря о переводе древних авторов, Готшед приводит в качестве образца строки из перевода «Энеиды» Амторна (Amthorn), выполненного александрийским стихом Признавая правомерность такой передачи гекзаметра, он все же указывает на возможность более адекватного немецкого метра и приводит в качестве примера такового свои оригинальные гекзаметры Само это место «Опыта» продолжает полемику, развернувшуюся на страницах «Beytrage zur Critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit», журнала Немецкого общества в Лейпциге, главой которого, как и издателем журнала, был Готшед Уже во втором номере за 1732 г была помещена большая критическая статья с разбором вышедшего в 1725 г нового перевода «Энеиды» Л Лау,¹⁸ касающаяся в основной своей части стиля перевода Вообще, в этом журнале вопрос перевода занимает одно из центральных мест, и характерно, что известное нам штудирование Ломоносовым статьи из седьмого номера этого издания было направлено как раз на освоение техники перевода Анакреона¹⁹

¹⁴ Приведенные здесь образцы правильных гекзаметров включены Ломоносовым в дистихи, другие строки которых (первая для первого нашего стиха и вторая — для второго) составлены из смешанных стихов «из хореев и дактилей» См *Ломоносов М В Полн собр соч Т 7 С 11, 15*

¹⁵ Там же С 14

¹⁶ См там же С 12 и примеч 13 на с 787

¹⁷ *Gottsched I-Ch Versuch einer Critischen Dichtkunst für die Deutschen Leipzig, 1737* На влияние Готшета и готшедеевцев при создании этих первых «поразительно звучных и совершенно зрелых по фактуре» гекзаметров указывал Л В Пумпянский См *Пумпянский Л В Третьяковский // История русской литературы М, Л, 1941 Т 3 С 230*

¹⁸ *Uebersetzung in deutschen Heldenpoesie & des Virgilianischen Lobes- und Lebenslauf // Beytrage zur Critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit 1732 St 2 S 244–251*

¹⁹ См *Данько Е Я Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век М, Л, 1940 Сб 2 С 252–258*

В рассуждениях о переводах основное внимание уделено передаче латинского героического стиха, и в центре этих рассуждений, естественно, оказывается «Энеида». Из номера в номер публиковался библиографический обзор немецких переводов римских авторов («Fortsetzung des Verzeichnißes von deutschen Uebersetzungen der meisten alten lateinischen Scribenten»), в котором было названо, в частности, более десятка переводов «Энеиды», некоторые из них кратко разобраны и сопровождаются примерами, причем примеры, что не странно, выбирались из начала первой песни. Прямым откликом на разбор перевода Л. Лау стала публикация в 17-м номере за 1737 г. двух образцов анонимных переводов первой песни «Энеиды».²⁰ Публикацию завершал подробный разбор приведенных образцов, в котором второй перевод, выполненный александрийским стихом, противопоставлялся первому, восьмистопного ямба, в первую очередь с точки зрения версификации. Автор разбора обоснованно показывает, почему александрийский стих оптимально передает латинский гекзаметр и почему «долгий ямбический размер» к этому не способен. Критикуемый аноним не согласился (и, как кажется, справедливо) с вынесенным его труду приговором и в 18-м номере за тот же год напечатал свое опровержение²¹ с подробной критикой перевода соперника (любопытно, что тон его разбора своей высокоученостью, педантизмом и плохо скрытой обидой близко напоминает тон критик В. К. Трелиаковского).

Ломоносов, почти наверное знакомый с этой полемикой, своим переводом двух стихов «Энеиды» невольно в нее включался. Перед ним были три возможности передачи латинского гекзаметра: длинная восьмистопная ямбическая строка, шестистопный ямб (александрийский стих) и дактиль (гекзаметр). Предпочтение александрийского стиха гекзаметру после смелых опытов «Письма» и рекомендаций Готшета может рассматриваться как шаг назад. В этом могло сказаться влияние французского классицизма с его обязательным александрийским стихом при передаче гекзаметра (однако следует помнить, что как раз в эту короткую пору безраздельной власти в поэзии Ломоносова — после законо-

²⁰ Probe einer Uebersetzung der Aeneis des P. Vergilius Maro, in deutsche Verse // Beyträge. . . 1737. St. 17. S. 89–107. Автором первого перевода, выполненного восьмистопным ямбом, был студент-теолог университета в Галле Я. И. Пира (Jacob Immanuel Pyra; см.: Goedeke K. Grundriss zur Geschichte d. deutschen Dichtung. Berlin, 1955. Bd. 4. S. 22).

²¹ Verteidigung des Verfassers der Uebersetzung aus Aeneis des Vergil, im XVII Stück dieser Beyträge beurteilt // Beyträge. . . 1737. St. 18. S. 328–337.

дательной деятельности Тредиаковского и до распространения влияния Сумарокова — русский стих находился в орбите влияния не французского, а немецкого классицизма). Думается, решение Ломоносова больше определяла сама ситуация в русской поэзии начала 1740-х гг. Тоническая система стихосложения в ту пору, когда составлялась надпись, по-настоящему еще не утвердилась и торжествовала лишь под пером Ломоносова; даже А. П. Сумароков только пробовал в ней свои силы. Основная же стихотворная продукция и, соответственно, слух читателей оставались под властью силлабики или силлаботоники, введенной Тредиаковским. На этом фоне двудольный ямб звучал определеннее и контрастнее трехдольного гекзаметра, а шестистопный стих — длинного стиха. Александрийский стих оказывался наиболее регулярным из длинных стихов. Таким образом, то, что в контексте немецкой полемики могло бы рассматриваться как регресс, в русском контексте оказывалось наиболее прогрессивным. Побочным, но первостепенной важности следствием утверждения александрийского стиха в России стала возможность большей соотнесенности русского классицизма с французским.

2. Первая похвальная надпись Петру I

Сам странный выбор начальных стихов «Энеиды» для надписи Петру I, вероятно, имеет косвенное отношение к лейпцигской «Энеиде». Петербургская надпись не может рассматриваться вне контекста лейпцигских споров, она — далекий отголосок того вергилиевского хора. Идея помещения строк из «Энеиды» на картуше принадлежит неизвестному нам автору проекта картуша, которым, скорее всего, был Я. Я. Штелин.²² Некогда он был деятельным членом Немецкого общества и, конечно, хорошо знал о споре по поводу «Энеиды», а возможно, и сам увлекался им.

В начальных стихах «Энеиды»: *«Multum ille terris jactatus et alte Multa quoque et bello passus dum conderet urbem»*²³ — кратко повествуется о всех событиях эпопеи и раскрывается смысл пройденного Энеем пути. Итогом этого пути стало основание города, который одновременно и знак освобождения от гнева богов,

²² Начиная с 1735 г. Штелин был постоянным автором инвентов гравюр. См. об этом: *Алексеева М. А.* Гравировальная палата (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985. С. 41.

²³ Подстрочный перевод: «...много (долго) скитавшийся (бросаемый) по суше и морю, Многое претерпевший и в войне, пока не основал город...».

и символ начала новой эры Дело основания города, естественно, противопоставлено Вергилием и в самой эпосе и в данных строках войнам и скитаниям в морях, как дело созидания и жизни — нестроению и раздору

Не стоит говорить, что русской традиции такое осмысление петровских начинаний, включая и основание города Санкт-Петербурга, было глубоко чуждо, поскольку военные и морские подвиги Петра рассматривались как самостоятельная ценность, а не как этапы долгого трудного пути, приведшего к созиданию города. Петербург в уже сложившемся каноне прославления дел Петра не выделялся из общего их ряда и, конечно, не рассматривался как венец его деятельности. Особенную бестактность таила в себе опущенная средняя строка «*Vi superum saevae memorem Junonis ob iram*» («Силою высших, вследствие злопамятного гнева Юноны»), по закону цитаты у всех знающих эти начальные строки «Энеиды» она не могла не всплывать в памяти. Ее недостаток постарались скрыть воспроизведением оставшихся стихов без соблюдения стихового деления — как прозы. Все это позволяет сделать вывод, что надпись на картуше не имела, по-видимому, европейского аналога и была плодом изобретения Петербургской академии.

Ломоносов был вынужден переосмыслить предложенный оригинал и преуспел в этом настолько, что до публикации А. А. Морозова в строках первой надписи «К статуе Петра Великого» невозможно было заподозрить классический образец. К полному переосмыслению вергилиевых строк привело разрушение формулы «. . . dum . . .», что лишило надпись высокого смысла и превратило упоминание о войнах, странствиях и строении города в обычный перечень заслуг Петра (правда, здесь, что является некоторым отклонением от канона, основанием города открывается перечень) Второе разрушение уже не имеет никакого идеологического обоснования, но, по-видимому, не совсем случайно. Ломоносов отказывается от звучной анафоры *multa (multum)* (по-русски было бы *много*, и звучит не хуже), заменяя ее маловыразительным *когда*²⁴ Возможно, отказ продиктован соображениями метра *много* (или в худшем случае *долго*) потребовало бы хорей или дактиля, но небезынтересно, что в обоих немецких перево-

²⁴ В русской поэзии формула Вергилия в совершенном ее виде передана Баратынским в «Пироскафе» «Много земель я оставил за мною, Вынес я много смятенной душою < > Много мятежных решил я вопросов, Прежде чем руки марсельских матросов Подняли якорь >» (Баратынский Е. А. Полн собр стихотворений Л., 1957 С 200), и у Баратынского — дактили

дах этих стихов в «Beuträge» анафора также не сохранена.²⁵ Введение союза *когда* превратило перечисление заслуг Петра в придаточное предложение времени, однако эта новая конструкция завершена не была — главное предложение отсутствует. Конструкция не была закончена и позднее, когда эти строки вошли в первую надпись к «Статуе Петра Великого». В ней перечисление заслуг Петра, открывающееся строками с союзом *когда* и расширенное еще двумя строками, не получив ни грамматического, ни смыслового завершения, обрывается несколько просторечным *и словом*. Последнее может свидетельствовать как о том, что Ломоносов механически включил надпись 1742г. в первую надпись, так и о том, что на картуше был помещен не фрагмент не дошедшего до нас текста, а его полный вариант.

Несмотря на свою грамматическую и смысловую незавершенность, надпись на картуше пользовалась признанием. Эти строки стали подписью к рисунку с видом Петербурга, украсившему один из экземпляров «Книги Марсовой»,²⁶ а спустя более тридцати лет были воспроизведены на гравированном фронтисписе с изображением пешего памятника Петру I.²⁷ Их популярность может объясняться и тем, что это была первая русская надпись, посвященная Петру и Петербургу, и тем, что лаконизм и точность надписи возмещали ее незавершенность, а само перечисление заслуг Петра несло в себе достаточный смысл.

²⁵ Вот эти строки: «Die Macht der Götter warf den Helden, um den noch unvergenzen Groll / Der sehr ergrimten Juno, öfters zu Land und Wasser hin und her, / Ja er erhilt auch viel im Kriege; als er den Grund der Stadt gelegt. . .» и «. . .Die Flucht ergreifen hieß; auf den der Götter Zwang / Und Junos alter Groll zu Land und Wasser drang; / Der viel im Krieg ertrug, bis er die Stadt erbaute. . .» (Beuträge. . . 1737. № 17. S. 90, 100). Кроме отказа от анафоры, думается, нет оснований говорить о каком-либо еще сходстве ломоносовской надписи с этими переводами. «Построил город» (буквальная передача конца последней цитаты) и «строил град» Ломоносова вместо «основал», вероятно, случайное совпадение.

²⁶ Экземпляр БАН (РО, 17.10.9). Об этом экземпляре см.: *Кашкарова Л. К.* Рисунки к «Книге Марсовой»: (К вопросу о принадлежности их М. И. Махаеву) // Книга: Исслед. и мат. М., 1962. Вып. 6. С. 132–145.

²⁷ Установить издание, к которому относится эта гравюра, пока не удалось. Фронтиспис хранится в Русском музее (Гр. 14558).